

РЕДАКЦИЯ
Привет
ежедневно, с 5 до
Тел.
Общая 2-43-45
Секретаря
Почта

ЕЖЕДНЕВНАЯ

КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ

10 ГНЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 63.3(2)712

К63

Под общей редакцией *Б. А. Костюковского*

Составитель *В. Д. Голубчикова*

К63

Комиссары на линии огня, 1919—1922. На Тихом океане свой закончили поход / Сост. В. Д. Голубчикова.— М.: Политиздат, 1987.— 368 с., ил.

Вторая книга художественно-документальных очерков завершает повествование о легендарных комиссарах гражданской войны 1919—1922 гг. В героях этой книги воплощен дух нашей партии, ее беспредельная преданность народу, воля к победе, твердость и мужество. Неоценим их вклад в создание Красной Армии, в победное завершение гражданской войны.

Издание выпускается к 70-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота, оно иллюстрировано и адресуется массовому читателю.

К 0505030102—096 142—87
079(02)—87

ББК 63.3(2)712

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

Наша партия уделяла много внимания
делу строительства Красной Армии,
но в связи с надвигающимися событиями
нам придется уделить
делу строительства Красной Армии
еще во много раз больше сил.
Летний военный сезон
только еще начинается.
Враг собирает последние силы.
Союзные империалисты чувствуют,
что почва уходит из-под их ног
в их собственных странах, и перестают
окончательно стесняться в средствах.
Нет никакого сомнения,
что в ближайшие месяцы
Советской республике
придется выдержать самый
большой напор враждебных сил...
Мы вынуждены ошестиниться
лесом штыков против наших врагов.
⁹/₁₀ своих сил наша партия поэтому
вынуждена будет отдать армии.

14 июля 1919 г.

Из письма ЦК РКП(б)
всем членам партии
об укреплении Красной Армии

ВСЕ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ!

Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции...

Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь.

9 июля 1919 г.

Из письма ЦК РКП(б)
к организациям партии
«Все на борьбу с Деникиным!»

Наталья СМИРНОВА
Виктор ГОВОР

«ЧТО ИДЕТ ОТ ДУШИ...»

Он должен быть там!

Да, только там! Он чувствует в себе силу, видит ясное революционное русло. Не для того он столько лет батрачил, страдал, бунтовал, проникался великими идеями, отбывал каторгу, чтобы теперь спасовать, — даже в мыслях не было! И приходила ярость. Осознанная, неудержимая. Ян знал себя. Возможно, у Лашевича он был в таком нетерпении.

Штаб свертывался и собирался уходить. Уже на дальних подступах к Козлову громыхали орудия. Суета, спешка. Грузят ящики, бумаги. А в штабе у Михаила Михайловича Лашевича, члена Реввоенсовета Южного фронта, которому поручили организовать отпор кавалерийскому рейду белых, не утихают споры. На большом столе развернута карта.

— Только на север! Его путь только на север. На Тулу, на Москву. Он надеется на мятежи.

— Да, — поддержал другой голос. — Вон, рядом Елец. Там лавочник на лавочнике. Мелкая буржуазия, ей только клич брось — сбегутся под мамонтовские знамена. Важно удержать города — не отдавать их белым, лишить их поддержки и продовольствием, и людьми. Тогда Мамонтову конец.

— А если я поеду в Елец? И встречу там Мамонтова? — сказал Фабрициус.

Все повернулись к нему. Лашевич помолчал. «Да, — подумал он. — Другой там не осилит».

— Резонно, резонно. Создадите из всего, что имеется, сводный отряд. И действуйте, как считаете нужным, не мне вас учить. — Лашевич на секунду остановил взгляд на революционном ордене на груди Фабрициуса.

Это был орден Красного Знамени — четвертый орден, которым Советское правительство начало награждать за выдающиеся военные заслуги, и первый, врученный военному комиссару.

Фабрициус прибыл в штаб Южного фронта в Козлов (ныне Мичуринск) в те августовские дни девятнадцатого, когда конный корпус генерала Мамонтова, прорвав фронт, неудержимым валом пошел

к северу — 6 тысяч всадников, 3 тысячи пехоты, 12 орудий. Перед ними не могли устоять маломощные гарнизоны городов и станций. Все силы красных были отвлечены на главный фронт: готовилось контрнаступление против Деникина, войска стояли друг против друга. Но генерал Деникин упредил неожиданным маневром — бросил конницу генерала Мамонтова в рейд по красным тылам в надежде посеять панику, захватить и разгромить склады снабжения войск, вынудить эвакуировать из Козлова штаб фронта и тем самым лишить армии оперативного руководства.

И вот — Елец.

Стояла необычайная августовская сушь. Знойный ветер нес удушающую мелкую пыль. Даже железнодорожная станция присмирела. Фабрициус заметил на одном из дальних путей самодельный бронепоезд — борта платформ обложены мешками с песком, матов поблескивают стволы орудий. Это уже реальная сила!

Он поспешил в центр города, в ревком. Следовало сразу же, не откладывая, встряхнуть этот город, поставить под ружье всех, кого можно, создать напряженную боевую обстановку. Правы штабники — город трудный. Старичок в поезде с интеллигентной бородкой клинышком проникся симпатией к Фабрициусу и просветил его. Здесь некогда кончалась Русь. Над рекой Сосна, на которой стоят Елец и Ливны, были сплошные засеки. А дальше к югу простиралось необозримое Дикое Поле — земли враждебных кочевников — татар. «Огромный город, огромный, — говорил старичок. — Тысяча каменных домов! Три тысячи деревянных! Под тысячу лавок! Шестнадцать церквей! Велик город, велик! Со времен Смуты, с семнадцатого века, собрались сюда беглые со всего мира, да так и остались», — старичок дробно и радостно засмеялся.

Фабрициус пробирался узкими каменными улочками. Лениво звякал колокол одной из многочисленных городских церквей. Заперты магазины, закованы в железо двери лабазов, наглухо закрыты ставни. Группа бойцов в старых выгоревших рваных гимнастерках шлепала босыми ногами по раскаленным булыжникам, только на одном были какие-то опорки, бойцы шли без винтовок, иные распоясанные. Дезертиры? Нет, похоже, местный гарнизон...

Фабрициус прибавил шаг. Все внутри кипело. На углу улиц внимание привлекла круглая афишная тумба. Она была сплошь оклеена воззваниями, лозунгами. «Все на борьбу с Деникиным! Социалистическое Отечество в опасности!» Объявление аршинными буквами спектакля «Красная правда». Режиссер Александр Вермишев. Неужели тот революционный поэт из Петрограда? Он еще, помнится, участвовал в штурме Зимнего. Писал стихами революционные агитдрамы.

И все же подозрительный город, кажется, из любого окна могут пальнуть. А в сотне километров мечутся кровавые казацкие клинки,

горят города, взлетают на воздух мосты, с хриплым стоном умирают люди. Город не знает, что со стороны Козлова сюда скачут казацкие сотни, что скоро они могут ворваться сюда с гиком и пылью. Как удержать их? У Фабрициуса нет в запасе даже недели — это может случиться сегодня. Сюда бы тех путиловцев-красногвардейцев, с которыми он наводил порядок во Гдове!

Сквозь щели ставень обыватели рассматривали нового человека, необычного для этих мест.

Высокий, статный, плечистый, в ладной гимнастерке с невиданным здесь революционным боевым орденом. Разлет длинных тяжелых усов, стремительный, яростный, цепкий взгляд, военная выправка, жесткий, четкий.

Хотя бы неделя! Но надо сделать все возможное, чтобы мамонтовская конница не застала защитников города врасплох.

В центре, где разместился военно-революционный комитет, Фабрициус застал только дежурного, им оказался именно Александр Вермишев. Тот, узнав Фабрициуса, обрадовался, заулыбался.

— Меня направили к вам. Давай рассказывай, что за войско у вас. Надо срочно поднимать народ!

— Какие войска в тылу! Запасные батальоны, железнодорожный полк...

— Да, встретились они мне. Не бойцы — толпой ходят. Босиком. Что, сапожники в городе повывелись? А вы для чего — революционная власть? Слушай, Александр, срочно вызывай всех!

Через час ревком почти в полном составе начал заседание. Фабрициус внимательно всматривался в лица. Он хотел увидеть и не видел здесь настоящего красного командира, похожего на комбрига Васильева, с которым прошел Ян Фрицевич Гдов, Псков, Латвию. Сильный, волевой человек. Знающий, умеющий направить подразделения так, чтобы выиграть бой. Но здесь прячут глаза... Только Вермишев смотрит открытым взглядом. Тревога закралась в сердце комиссара. Здесь некому командовать. Он должен полностью взять власть в свои руки. До лучших времен. Как было вначале под Гдовом, пока не прислали Васильева. Он не может поступить иначе. Упущено время. Следовало приехать недель раньше!

Фабрициус проводил совещание резко.

Дела обстоят серьезно. Нет ни минуты на долгое размышление. Доложили о военных подразделениях. О возможности мобилизации на местах. По карте рассмотрели расположение частей. Фабрициус внимательно выслушивал, потом приказал:

— Предлагаю войска гарнизона разбить на три боевых участка: левый, средний и правый. — Фабрициус подробно определил позиции частей. — Наш район важен в стратегическом отношении, мы перекрываем путь мамонтовской коннице. Мы должны быть готовы к упорной обороне. Следует срочно, сегодня же, поставить под ружье

работников всех советских учреждений и местных парторганизаций. Надо бросить большевиков на укрепление боевого духа бойцов. Следующее. Обмундирование. Позор! Босые бойцы! Это никого не удивляет, будто так должно быть. Это не армия. Следующее. Тылы. Могут поднять голову лавочники, скрытые белогвардейцы, наверняка они замышляют мятежи, встречу Мамонтова хлебом-солью и колокольным звоном. Надо взять на учет все подозрительные личности. Мы должны навести железную дисциплину!

В тот же вечер, еще длилось заседание военно-революционного комитета, прибыла телеграмма, сообщавшая, что неприятель занял Лебедянь и движется на Елец. Все выжидающе и тревожно смотрели на Фабрициуса.

— Мамонтов в Лебедяни, — спокойно сказал Фабрициус. — Все по местам. Даже если не будет связи, каждому драться до последнего патрона. Все!

Ночью вокруг Ельца располагались цепями отряды, окапывались. Но на следующий день Мамонтов с главными силами не сунулся. Наскакивали отдельные кавалерийские разъезды — вели разведку боем, искали незащищенные места.

А 30 августа казаки лавиной вдруг ринулись и заняли станцию Боборыкино, перерезав железнодорожную линию Елец — Ефремов.

31 августа в середине дня Фабрициус, находясь в штабе, получил от командира запасного кавалерийского дивизиона Повалишина донесение, что белых от четырех до пяти тысяч и дивизион начал отход на Елец. Донесение комиссара левого участка было того хуже: изменил командир участка Ходоско — перешел на сторону белых с кавалерийским дивизионом. Вскоре в штаб влетел Повалишин.

— Белые на окраине Ельца!

Фабрициус поднялся на чердак к слуховому окну. С востока — увидел — в город спускались конные массы мамонтовцев.

Да, Фабрициус был отчаянно храбрым человеком. Во время первой мировой войны о нем ходили легенды. Не раз проникал в тыл к немцам, приводил «языков», приносил секретные документы, снимал вражеские караулы, приволок однажды трофейные пулеметы. И стрелком был чрезвычайно метким. Еще в начале службы на полковом соревновании занял первое место в стрельбе и перед строем из шестнадцати рот ему вручили подарок. За боевые заслуги его произвели в унтер-офицеры. Не раз был ранен, грудь в Георгиевских крестах. Уже во время гражданской водил в атаки бойцов под Гдовом, Псковом, в Латвии. В бою он был горяч и неустрашим. Но здесь он оказался среди необстрелянных, разрозненных, не сбитых в единое целое отрядов. Ему было мучительно от своего бессилия, он понимал, что неизбежно отступление. Но делал все возможное, чтобы этого не произошло.

В 16 часов к штабу прискакал связной с правого участка:

— Сорок второй запасной батальон окружен и вырублен казаками! Взят в плен военком Вермишев!

Солдатский поэт, драматург, романтик... Фабрициусу стало не по себе. Потом он узнал, что Александра повесили за ноги, после трехчасовой пытки его зарубили шашками. Но последний крик его был: «Да здравствует Красная Армия!..»

Следовало срочно выбираться из штаба, противник мог наскочить в любую минуту, выстрелы раздавались невдалеке, уже рядом, по соседним улицам скакали казаки, рубили шашками разбегающихся.

— Сбор за городом у перекрестка дорог,— скомандовал Фабрициус штабным и охране.— Пробираться поодиночке. Немедленно покинуть штаб!

Попробуй ориентироваться в незнакомом городе, когда неизвестно, куда идти и на кого напорешься — на казака или на лавочника с винтовкой...

Мамонтовцы были уверены, что полностью рассеяли и уничтожили отряды этих плохо обмундированных и необстрелянных солдат. Они бросились грабить. Все же несколько подразделений доскакали до окраины Ельца, но здесь наткнулись на неожиданный заслон.

Фабрициус успел собрать и организовать разрозненные отошедшие части, развернул их в цепь, поставил у дорог пулеметы. Они отбросили одну за другой три яростных атаки белоказачков. Из города поодиночке и мелкими группами пробирались красноармейцы и, слышав стрельбу, присоединялись к цепям Фабрициуса. Раненые оставались в строю. В цепи лежал и Фабрициус, после его выстрелов белые так и вылетали из седел. Бой длился до заката солнца. Они отбились, но надо было уходить. Не хватало боеприпасов. Некому было перевязывать раненых. Фабрициус понимал, что они не устоят, когда на них пойдет основная масса мамонтовцев, потому он решил продержаться только до ночи, чтобы под ее покровом незаметно сняться с позиций. Этой обороной они сковали силы врага и дали возможность отойти в более глубокий тыл детскому дому и сельскохозяйственной коммуне — коммунаров ждала бы неминуемая смерть. Начала этот бой горстка смельчаков, а к концу дня это было хотя и маленькое, но уже обстрелянное, сплоченное войско комиссара. С этого мгновения и начала жить боевая единица, известная на Южном фронте как «сводный отряд Фабрициуса».

Ночью отряд Фабрициуса ушел на Ливны, город верстах в пятидесяти от Ельца,— вот там и произошло окончательное оформление отряда.

Если сказать кратко и точно, что привело Фабрициуса к успеху, можно ответить так: его неустанная комиссарская работа. О ее сути Фабрициус скажет через несколько лет в одном из приказов:

«...Общее стремление всего командного состава должно сводиться к созданию из товарища красноармейца сознательного, дисциплинированного, разумного и добросовестного воина, одухотворенного готовностью приносить жертвы в надежде на лучшее будущее.

...Много энергии надо вложить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: много людей прошло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые от этого не стали лучше... В свое дело необходимо вложить душу и сердце. Что идет от души, то и попадает в душу и сердце бойца...»

Так сказал военный комиссар Фабрициус. Но нам кажется, что о главном, самом существенном в этом приказе говорят не слова. В скупых и по-военному строгих строчках ощущается необыкновенная взрывная сила человека.

С тех пор прошло много десятилетий. Созданы потрясающие образы героев гражданской, нарисованы живописные полотна, сняты кинофильмы, написаны сотни и сотни интересных книг. Но идут годы, и наш взор снова и снова обращается к тем величественным истокам, из которых вышла вся наша страна. Иной раз бывает трудно поверить, что герои великой гражданской обладали такой негасимой энергией, такой огромной силой убежденности, таким беспредельным мужеством. Но есть неопровержимый факт: за ними поднимались и шли миллионы, шли без страха и колебаний, иногда на верную смерть — за святое дело социалистической Родины. Шли и побеждали!

Действовал особый революционный фактор. В одном из отчетов Политуправления Реввоенсовету Республики того времени об этом говорилось так: «Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов». Вот что стало решающим в победе: коммунист, военный комиссар. Да, так было. И латыш Ян Фрицевич Фабрициус — яркий тому пример.

Фабрициус безукоризненно следовал своим политическим и жизненным моральным установкам.

У нас нет подробных сведений о том, как жил, о чем думал, как говорил с бойцами, с народом военный комиссар Фабрициус во времена своих наивысших жизненных испытаний. «Как жаль, что тогда никому и в голову не приходило записывать речи митинговых ораторов — вот была бы книжища и для историков, и для словесников» (Артем Веселый). Лишь по отдельным деталям можем догадываться, какой это был напряженный труд!

Да, Ян был беспредельно храбр, он увлекал бойцов личным примером, одним этим он завоевывал непререкаемый авторитет. Как сказал бы солдат: «А ты поди под пулями поговори!» Пулям Фабрициус не кланялся. Такое было и раньше, такое бойцы увидели и сей-

час, под Ельцом. Но главное было даже не в этом. Он бы не смог поднять бойцов, организовать такую упорную оборону, как через несколько дней под Нижнедевицком, если бы не обладал и другими высокими талантами человека и военного комиссара — талантом беззаветной веры в торжество идеалов коммунизма, талантом организатора, притягивающего к себе людей.

Представьте Ливны, маленький русский город вдали от столиц, представьте то время, когда вести из центра шли неделями, время — когда одни люди словно не могут выйти из долгой-долгой вековой спячки, а другие, растревоженные войной и революцией, неустойчивы и шатаются, не зная, к кому примкнуть, с кем быть: с красными, белыми или зелеными. И вот здесь надо было утвердить Советскую власть. А они отрезаны от всего мира — война. И война насмерть, идущая неизвестно где и как, способная обрушиться через неделю, а может быть, и через пять минут, просвистят смертельные пули, с гиканьем налетит казачья сотня. Тревожно...

Фабрициус был словно само воплощение Советской власти, власти новой, пришедшей навсегда. Идеал будущего не мерк в военном комиссаре ни на секунду. Вот в чем была, можно сказать, его главная сила.

С несколькими штабными командирами он разъезжал по далеким и ближним селам, восстанавливая Советскую власть. И митинговали, митинговали...

Фабрициус рисковал в этих бесконечных поездках каждую минуту — беляки рыскали по всем округам. Но вера в великую идею удесятерила его силу, храбрость. Она делала его словно заговоренным от вражеских пуль. И везде он поднимал народ на борьбу, создавал партийные ячейки, отбирал у кулаков излишки хлеба, раздавая бедноте и снабжая армию. Он убеждал колеблющуюся часть крестьянства — середняков в преимуществах Советской власти, на примерах показывая, как с возвращением белых сразу рушится завоеванный Советской властью декрет: «Вся земля — крестьянам!»

Эти комиссарские слова были необычайно убедительной силы. Средняк шел в отряд Фабрициуса — уже не говоря о неимущих крестьянах. И именно эта работа с народом военного комиссара Фабрициуса была залогом постоянного укрепления и роста его отряда. Через неделю — всего через неделю! — отряд Фабрициуса уйдет из городка Ливны. Он будет идти вдоль железных дорог, очищая станцию за станцией, он будет делать изнурительные переходы под проливными дождями и палящим солнцем, врываться в города. Войско будет таять от этой непосильной ратной работы, но вновь и вновь расти, ибо его питает тот народ, которому Фабрициус нес Советскую власть.

Фабрициус воспитывал мужество бойцов, учил их бесстрашию. А то как в народе получалось? Цари бросали казаков на усми-

рение народных восстаний, и страхом отзывалось это слово: «казаки!»

Не дрожать!

Ехал однажды Фабрициус полем. Вдруг навстречу бежит застава.

— Стой, куда бежите?

— Казаки!

— Где вы их видите?

— А вон — едут!

Действительно, недалеке видны двое конных.

— Так это ж наши! Из разведки возвращаются.

Глядь — другая застава бежит.

— Вон казаки с саблями наголо!

А это крестьяне едут с поля на лошадях, и косы у них в руках, как шашки, блестят.

Фабрициус рассказывал в лицах перед строем об этих случаях. Бойцы смеялись и — мужали.

Из захваченного Ельца в Ливны пришли несколько красноармейцев — бежали из плена. Фабрициус приказал выстроить отряд. Красноармейцы показали перед строем бойцов иссеченные до костей багровые спины. Мамонтовцы на площади в Ельце пороли нагайками. Шесть бойцов медленно прошли вдоль строя. Сурово смотрели отряды на трагическое шествие.

— Для них мы, рабочие и крестьяне, — говорил Фабрициус, — хуже быдла. Они хотят превратить нас снова в рабов. Но мы для того и восстали, чтоб зваться людьми!

Да, Фабрициус был строг, да, он был нетерпелив, даже яростен. Но, возможно, и за это его любили бойцы. Потому что Фабрициусом всегда руководила революционная справедливость. И такой характер проявлялся у него во всем, даже в мелочах.

Боец не должен быть разутый! И всех сапожников со всей округи мобилизуют, они шьют и латают солдатские сапоги. Раненый. Его не только нельзя оставлять на поле боя — но он должен находиться под надежной крышей и его должны лечить лучшие врачи и медсестры. И Фабрициус мобилизовывал медиков. Водка, самогонка. Из-за этой сивухи, знает Фабрициус, нелепо гибли лучшие и достойные люди, начинается в армии моральное разложение, мародерство. Однажды наскочил: начштаба и начальник оперативного отдела ужинали с бутылкой дешевого вина, закусывали тощей селедкой — отмечали какое-то событие. Фабрициус разъярился:

— Я прикажу расстрелять вас!

Так что законы были строгие, но справедливые для всех — начальника и подчиненного. Да и вообще Фабрициус никогда не возводил непреодолимый рубеж между бойцом и командиром. Каждый мог обратиться к нему со своими бедами, сомнениями, поделиться

радостью. Вечером, на привалах, когда в котелках варилась нехитрая солдатская еда и все собирались в кружки, Фабрициус подсаживался к одному, другому кружку. Пел вместе со всеми песни, читал из дома письма, которые каким-то чудом доходили, а иногда и рассказывал — рассказчиком он был отменным, бойцы любили слушать его.

— А что, Ян Фрицевич, правда или брешут, что в царской армии вы были полковником и будто сам царь разжаловал вас за революцию в солдаты и в Сибирь закатал?

— Какой я полковник, — раскатисто смеялся Фабрициус. — Рассказни. Видать, стыдно белякам признать, что от простого унтера драпают. Хотя Георгиевские кресты имею...

Солдаты слушали. И про его крестьянскую жизнь. Родился в семье батрака в глуши Курляндии на хуторе Ванкстрейбей. Несмотря на трудности, поступил в городское училище в Виндаве. Затем была рижская гимназия. Отец Фабрициуса был сметливый мужик, силач, усмирявший одним взмахом могучего кулака дерущихся в корчме хуторян. Из батраков он выбился в лесничество барона Бера. И сыну прочили карьеру у барона — самим управляющим! Но уже в гимназии Ян знакомится с прогрессивной молодежью, читает Райниса, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. В 1891 году, еще гимназистом, он принял участие в «картофельном бунте» в Виндаве. Затем солдатская служба, работа на рижском машиностроительном заводе Минута. В 1903 году Ян вступает в ряды социал-демократической организации. Становится профессиональным революционером. Несколько арестов. А потом четыре года каторги в Сибири.

— А с Лениным я работал в Смольном, — рассказывал Фабрициус.

В январе восемнадцатого латышские стрелки выбрали Фабрициуса делегатом III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В Таврическом дворце Ян впервые увидел Ленина. Делегаты съезда затаив дыхание слушали отчет Совета Народных Комиссаров о строительстве социалистического государства, о строительстве новой армии.

Владимир Ильич Ленин говорил:

— Старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне.

В тот памятный день Фабрициус твердо решил, что будет служить в новой революционной армии.

50 дней и ночей Фабрициус работал во ВЦИКе, слушал выступления Ленина, учился жить и работать по-ленински. Именно эти 50 дней и определили дальнейший жизненный путь Фабрициуса:

это было его главное образование — партийная школа Смольного.

В феврале восемнадцатого над революционным Питером нависла смертельная опасность. Старая, деморализованная и уставшая бывшая царская армия под ударами хорошо обученных и вооруженных немецких полчищ разваливалась, открывая путь к Нарве и Пскову.

Ленин собрал специальное заседание по вопросам обороны красного Петрограда. Первым попросил слово Ян Фабрициус:

— Я сын батрака. Я военных академий не кончал. Но прошел фронтовую школу и по опыту знаю, что, отсиживаясь в обороне, врага не победишь. К массам, в поле, в открытый бой — вот наша тактика. Владимир Ильич, прошу направить меня на любой участок фронта.

В воспоминаниях Фабрициус писал: «В ту же ночь все члены ВЦИКа и военные работники были брошены на заводы и фабрики для разъяснения рабочим создавшегося положения. На всех фабриках и заводах загудели тревожные гудки. Петроградский пролетариат проснулся. Бросая семьи или, вернее, семьями захватывая имевшееся оружие, рабочие спешили на свои заводы.

Военные работники были назначены начальниками боевых красногвардейских отрядов. Я был назначен в г. Гдов».

Фабрициус выехал на фронт с отрядом из сорока трех красногвардейцев — рабочих Путиловского завода. В выданном ему удостоверении указывалось, что Фабрициус назначается военным комиссаром пограничной охраны Гдовского района.

Ехали в теплушке. Часто останавливались. На станции «Третий разъезд» встретили солдат 4-го Копорского полка, они уходили с фронта. Фабрициус организовал митинг здесь же, на станции, — взобрался на груды бревен. «Как сплотить бегущих по домам окопников, чтобы они снова стали боевой грозной силой? Они не дезертиры. Они не бросили оружие, у них винтовки со штыками, подсумки с патронами, гранаты на поясе. Просто они истосковались по семьям, по земле». Фабрициус вынул из кармана номер «Правды». На первой странице — ленинское воззвание.

— Слушайте, товарищи, что говорит вождь трудящихся всего мира товарищ Ленин! Социалистическое Отечество в опасности!

Фабрициус читал статью яростно и со страстью. Ленинские слова, он чувствовал, доходили до каждого солдатского сердца.

— Боевые друзья, копорцы! Вы завоевали добрую славу на рижском фронте. Да, вы слишком долго воевали, вы устали, вы истосковались по семьям. Но не пришло время расходиться по домам. Надо гнать чужеземцев, защитить нашу родную Советскую власть! Перед нами древний Гдов. От имени ВЦИКа, от имени Ленина призываю вас присоединиться к отряду красногвардейцев и освободить Гдов! Вскоре он телеграфировал в Петроград о взятии Гдова.

А потом начались трудные революционные будни военного комиссара. Приходилось решать многочисленные сложные вопросы становления Советской власти в обширном Гдовском уезде. 30 волостей и ни одной партийной организации! Фабрициус создает городской комитет партии. Из разрозненных подразделений формирует новые военные части. Обращается в Смольный с докладом, настойчиво просит прислать в Гдов опытных коммунистов, побольше политической литературы. Он мотается по деревням, руководит подавлением кулацких мятежей, отбирает излишки зерна у кулаков и направляет обозы с хлебом в голодающий Питер. Он организует совещание рыбаков Чудского побережья, печатает агитационные листовки для немецких солдат, очищает исполком от тайных врагов.

Когда через полтора месяца военный комиссар Фабрициус проводил партийно-советский актив Гдова, на нем собралось более 30 человек, а ведь вначале в городе было только два коммуниста. И в Гдовском полку вначале было 600 бойцов (в основном копорцев), а стало 2500 штыков, 48 пулеметов, 6 орудий, на станции Торошино стоял под парами бронепоезд «Красный финляндец».

А в ноябре 1918 года с боем был взят город Псков. В этой операции активное участие принимал Гдовский полк.

Бойцы узнали, за что Фабрициус получил революционный орден Красного Знамени.

— Дело было на реке Великой под Псковом. Мы никак не могли взять город. Был перед ним сильно укрепленный пункт в деревне Кресты. Атакуем — не взять. Скачут два связанных с разных флангов. Один передает записку: «Срочно прошу подкрепления». И второй точно с такой запиской. А резервов нет. Достали с комбригом Васильевым карту, смотрим на эти Кресты. Видим: если не взять — и нам крест. Отменили все атаки. Надо пораскинуть мозгами. Раз не приносит успеха атака в лоб... Белые так укрепились в Крестах — выковырять невозможно. Что делать?

Молчат бойцы.

— А мы их, — хитрый взгляд Фабрициуса, — решили взять на испуг. Поставили на грузовики станковые пулеметы, подтянули орудия к шоссе. А когда стемнело и было непонятно, что там движется, обрушили огонь на позиции Булак-Балаховича. Грузовики режут и стреляют, словно дивизион броневиков. На одном был я за пулеметом, на другом начальник штаба. Так и взяли эти Кресты в ночи. Бежали белые. Не сообразили, что перед ними грузовики, которые можно в щепки разнести. Конечно, ни я, ни начштаба не должны были стоять за пулеметами — а вдруг убьют, кто будет руководить боем? Но время такое — надо бить белых.

Постоянной, напряженной была работа военного комиссара в Ливнах. И именно благодаря этой работе хватило только одной неде-